

положительных результатов, а противодействие латентным преступлениям требовало использования нетипичных уголовно-правовых средств. Например, Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г. содержал в п. 6 норму об освобождении от уголовного преследования взяточдателей в случае подачи ими заявления о даче взятки [5, с. 25].

В контексте обозначенного нами вопроса особого внимания заслуживают Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года, а впоследствии и Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1960 года, в которых уголовная ответственность употреблялась в значении существенно ином, чем уголовное наказание [6, с. 21]. С учетом специфики советского законодательства акцент при замене уголовной ответственности делался на административной ответственности, мерах воспитательного и общественного воздействия. Так, были выделены самостоятельные правовые нормы, давшие начало функционированию полноценного уголовно-правового института (ст.ст. 10, 50.1, 51, 52 УК РСФСР 1960 г.). Безусловно, данное обстоятельство привело к активному осмыслению такого явления, как освобождение от уголовной ответственности, в доктрине уголовного права. Подчеркнем, что создание такой уникальной правовой конструкции исходило из общей идеи несостоятельности принципа неотвратимости наказания, пагубности примата уголовной репрессии как реакции на совершение лицом преступления, хотя она и выделялась определенными особенностями юридического воплощения, некоторые из которых и по сей день вызывают серьезную дискуссию в научных кругах (например, признание лица виновным без вынесения судом обвинительного приговора).

Безусловно, прекращение существования советского государства привело к процессу изменения законодательства России, и в принятом УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности были помещены в отдельную главу 11, но они претерпели изменения в содержательной части (например, впервые было включено такое основание, как примирение с потерпевшим, а исключена возможность передачи лица на поруки). Использование актуальные зарубежных идей позволило дополнить его достаточно спорными и оригинальными конструкциями (например, ст. 76.2 УК РФ). В настоящее время обозначенный институт активно развивается, в него вносятся новые как общие, так и специальные нормы.

Представляется, что использование такого механизма стало привлекательным для уголовной политики по нескольким соображениям:

1. Снижение числа лиц, имеющих судимость, находящихся в местах лишения свободы, что препятствует их разрыву с социумом, укоренению криминальных взглядов и привычек;

2. Уменьшение процессуальной нагрузки на правоохранительные органы, ресурс которых является ограниченным, что позволяет переориентировать их на расследование и рассмотрение наиболее общественно опасных деяний;

3. Создание стимула к положительной постпреступной деятельности, учет интересов потерпевших и реализация их потребностей, облегчение раскрытия латентных преступлений;

4. Общее снижение репрессивности уголовного закона, восприятие наказания как не единственной реакции на противоправное поведение, вне которой могут реализовываться задачи и цели уголовного закона.

Таким образом, использование альтернативных уголовному преследованию виновных лиц механизмов было вызвано естественным развитием общественных отношений, невозможностью задействия наказания для достижения социально-полезных целей в каждом случае. Это привело к постепенному расширению обозначенных норм и к закреплению обособленного уголовно-правового института, который не был известен дореволюционному закону. Полагаем, что в настоящее время институт освобождения от уголовной ответственности прочно вошел в арсенал средств уголовной политики, однако он не лишен проблем, решение которых требует проведения дополнительных исследований.

Список источников

1. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 139–161.

2. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве: учебное пособие. СПб., 2009. 100 с.

3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая: лекции. В 2 т. Т. 2. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Государственная Типография, 1902. 656 с.

4. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 50 с.

5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / под ред.: Голяков И.Т. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.

6. Нечепуренко А.А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2014. 176 с.

© Суверов Сергей Евгеньевич, 2025

Садовых К.В.

ЦЕЛЬ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

На основании доктринального подхода известно, что цель – это конечный результат совершаемого преступления. Так, М.Д. Шаргородский указывал, что «целью действия являются те последствия, которых виновный желает достигнуть в результате своего действия» [1, с. 7]. По мнению Н. С. Таганцева, цель, являясь одним из проявлений желания, представляет собой «полагаемый нашим сознанием предел, достижением которого должна завершиться наша деятельность» [2, с. 593]. Полагаем возможным поддержать данные точки зрения и отметить, что большинство исследователей выделяют цель в качестве признака субъективной стороны состава преступления.

Поддерживая разумное замечание С.В. Скларова, что «субъективную сторону можно определить исключительно путем анализа и оценки объективных

обстоятельств совершенного лицом правонарушения» [3, с. 11], представляем целесообразным начать исследование с анализа объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ.

Согласно диспозиции статьи под незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее – продукция) понимается производство, закупка (в том числе импорт), поставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничная продажа продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна.

Так, в п. 2 ст. 18 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ указывается, что производство в целях сбыта подлежит обязательному лицензированию, а производство для собственных нужд – нет. Резюмируя данный тезис, можно сделать вывод, что цель фактически институционализируется в диспозиции статьи посредством бланкетного механизма («бланкетной диспозиции») – как указывается в некоторых исследованиях [4, с. 50], то есть экстраполяция из указанного федерального закона за счет терминологического толкования.

Расположение преступления, предусматривающего ответственность за незаконное производство и (или) оборот продукции, в структуре Особенной части УК РФ дает возможность сделать вывод, что ст. 171.3 УК РФ является специальной нормой по отношению к незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171 УК РФ).

Согласно ст. 2 ГК предпринимательская деятельность имеет определенную направленность, а именно получение прибыли от выполнения работ или оказания услуг. Так, в соответствии с бланкетным характером анализируемой уголовно-правовой нормы полагаем возможным сделать вывод, что основной целью «бутлегеров» (подпольные производители или торговцы нелегальной продукцией) является извлечение прибыли путем ввода фальсификата алкоголя на потребительский рынок.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, выражена не самим производством фальсифицированного алкоголя, а намерением его незаконного ввода в «предпринимательский оборот» и лишения тем самым государства одного из основных источников пополнения бюджета. Цель сбыта продукции в данном составе выступает индикатором общественной опасности. Она дифференцирует легальную деятельность от нелегальной.

Следует акцентировать внимание на том, что цель сбыта, несмотря на свою фактическую институционализацию в диспозиции уголовно-правовой нормы посредством бланкетного механизма, своего отражения ни в названии статьи, ни в диспозиции статьи не нашла, в связи с чем данное отсутствие породило разногласия в правоприменительной практике, а также стало предметом оживленных дискуссий в научном сообществе.

По мнению И.А. Белецкого, буквальное толкование диспозиции ч. 1 ст. 171.3 УК РФ позволяет правоприменителю заключить, что ответственность может наступать за отдельные альтернативные действия, не представляющие собой оборота, то есть взаимосвязанных действий, направленных на получение прибыли. Так, он приводит в пример уголовное дело, возбужденное по факту хранения алкогольной

продукции в целях употребления его на корпоративном вечере, а не последующего сбыта [5, с. 267]. Позволим не согласиться с данным высказыванием и толкованием нормы в указанном приговоре, считаем, что данный приговор является редким исключением из судебно-следственной практики, что имеет правоприменительное подтверждение. Так, анализ ста приговоров за период с января 2018 г. по сентябрь 2024 г. позволил прийти к выводу, что в девяноста двух приговорах цель сбыта фактически выступает обязательным признаком субъективной стороны состава преступления и находит свое отражение в приговорах. Примером обязательного установления цели сбыта продукции является приговор Шарьинского районного суда Костромской области, в котором суд указал, что об умысле на сбыт продукции свидетельствует объем изъятой продукции, ее ассортимент, наличие всех необходимых для последующей реализации атрибутов: упаковки, этикетки с указанием наименования продукции [6]. Кроме того, в приговоре Карасукского районного суда указано, что об умысле на сбыт алкогольной продукции указывает её приобретение гражданином И. в Республике Казахстан большими объемами, несоизмеримыми с разовыми потребностями подсудимого и его близкого окружения [7]. А в восьми приговорах данная цель судом не устанавливалась, так как о ней напрямую заявляли сами подсудимые.

В связи с этим считаем возможным поддержать М.Г. Жилкина, который полагает, что отсутствие цели сбыта в диспозиции комментируемой нормы не имеет существенного значения, поскольку, как правило, нелегальные «бутлегеры» занимаются незаконной деятельностью, стремясь получить доход, а без сбыта продукции этого достичь невозможно [8, с. 32]. Полагаем, что законодатель, отнеся данную норму как специальную по отношению к ст. 171 УК РФ, фактически включил в неё цель – извлечение прибыли, которое без сбыта данной продукции невозможно, и намеренно не включил её в диспозицию статьи.

Таким образом, целью субъекта, осуществляющего незаконный оборот продукции, является её реализация с целью извлечения прибыли. Именно цель сбыта является индикатором общественной опасности данного преступления. Исходя из бланкетного характера статьи и сложившейся правоприменительной практики цель сбыта продукции в сущности является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления.

Список источников

1. Шаргородский М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945. 56 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. СПб., 1902. 815 с.
3. Сляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 326 с.
4. Мальков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. 128 с.
5. Белецкий И.А. Уголовная ответственность за закупку алкогольной продукции в крупном размере без цели сбыта // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции. Ч. 1. Красноярск, 2019. С. 267–269.

6. Приговор Шарьинского районного суда Костромской области от 19.11.2020 по уголовному делу № 1-157/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru>. (дата обращения: 15.09.2024)

7. Приговор Карасукского районного суда Новосибирской области от 16.08.2019 по уголовному делу № 1-26/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru>. (дата обращения: 15.09.2024)

8. Жилкин М.Г. Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовное право. 2019. № 1. С. 29–37.

© Садовых Ксения Вячеславовна, 2025

Тихонов И.Н.

Научный руководитель: **Николаев К.Д.**, кандидат юридических наук, доцент

НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Наказание за совершенное преступление является средством восстановления справедливости. Это отражается в соответствующем принципе Уголовного кодекса [1], который в общем смысле означает баланс между преступлением и наказанием. Тяжесть совершенного деяния должна соответствовать строгости понесенного наказания. Но всегда ли работает такая формула? Система наказания в отечественном уголовном законодательстве отличается своей вариативностью, что выражается в наличии выбора при избрании наказания за конкретное преступное деяние. Каждое преступление уникально и обладает определенным набором отличительных признаков в виде общественной опасности, обстановки, лица, совершившего этого деяние, и пр. В зависимости от квалифицирующих признаков, которые могут быть отягчающими или, наоборот, смягчающими, и личности преступника за одно и то же преступление в разных частях одной и той же статьи законодатель предусмотрел различные виды и размеры наказаний. Все это отражает принципы построения уголовного закона и индивидуализацию при назначении наказания. С этой же целью в отдельные статьи помещены обстоятельства, смягчающие (ст. 61 УК РФ) и отягчающие (ст. 63 УК РФ) наказание.

Объектом обсуждения в данной статье будет являться обстоятельство, смягчающее наказание, предусмотренное п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ: «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения», а именно обстоятельства, связанные с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Согласно действующему законодательству правомерное причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, исключает какую-либо ответственность задерживающего (ст. 38 УК РФ). Санкции за преступления, предусмотренные уголовным законом, при превышении мер, необходимых для

задержания преступника (ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК РФ), значительно снижены по сравнению с аналогичными посягательствами без специальных условий. Вместе с тем нарушение условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, является в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание.

При нарушении условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, уголовная ответственность наступает в том случае, если эти действия повлекли за собой последствия в виде смерти, тяжкого вреда здоровью и вреда средней тяжести. Как считает В.В. Векленко, в том случае, если были нарушены условия правомерности причинения вреда в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, следует смягчение наказания [2, с. 304]. Подобные мнения вытекают из самой формулировки нормы закона. Уголовная ответственность наступает в случае превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, в том случае, если наступили последствия в виде смерти лица (ч. 2 ст. 108 УК РФ) либо причинен тяжкий или средней тяжести вред здоровью (ч. 2 ст. 114 УК РФ). Данный перечень является закрытым. Принимая во внимание, что меньший вред, который может быть причинен оказывающему сопротивление задерживаемому лицу, не может выходить за рамки превышения необходимых мер, и учитывая полезность задержания, данные деяния обладают настолько небольшой степенью общественной опасности, что ставить их в один ряд с преступлениями было бы нецелесообразно. Не случайно подобные специальные нормы отсутствуют в законе. В данной ситуации необходимо принять во внимание принцип пропорциональности, который подразумевает использование силы в рамках, адекватных угрожающему положению. Таким образом, действия задерживающих должны быть оправданы, если они соответствуют необходимым требованиям, что способствует не только соблюдению правопорядка, но и защите прав граждан. В конечном счете, ориентир на разумный подход к оценке подобной деятельности способствует устранению неоправданных санкций и создает правовую определенность, что, безусловно, положительно скажется на эффективности деятельности правоохранительных органов и доверии общества к ним.

Важно отметить одно условие – обстоятельства могут быть признаны смягчающими, если не являются составной частью диспозиции статьи Особенной части УК РФ, как, например, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ). С учетом этого закон указывает на невозможность повторного признания этих обстоятельств, если они являются признаками преступления. Поэтому в последнем качестве рассматриваемые обстоятельства могут выступать только тогда, когда статьей Особенной части УК РФ они не предусмотрены [3].

Пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ предусматривает в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения. По нашему мнению, первые два обстоятельства стоит исключить из общего перечня вышеуказанной нормы. Следует согласиться с О.А. Мясниковым, замечаящим по поводу совершения преступления при превышении пределов необходимой обороны, что «закон специально предусматривает для данных случаев привилегированные